

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВРАЧАМЪ И ЮРИСТАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Психологию по всей справедливости признають основаніемъ психіатріи. Такъ какъ во всѣ времена число психически-здоровыхъ далеко превышало число помѣшанныхъ, то точныя наблюденія очевидно могли бы быть производимы гораздо легче и въ большемъ количествѣ надъ первыми, чѣмъ надъ послѣдними. Однако вышло совершенно наоборотъ: психіатрія весьма богата эмпирическимъ матеріаломъ, опыты же данныя психологии въ высшей степени скудны.

Какъ ни странно это кажущееся противорѣчіе, но оно объясняется историческимъ ходомъ развитія психіатріи и психологии. Психіатрія, какъ наука, возникла лишь съ начала текущаго столѣтія. Ею занимались врачи-спеціалисты въ особыхъ для того устроенныхъ заведеніяхъ, въ домахъ умалишенныхъ, гдѣ собраніе многочисленныхъ больныхъ, находящихся въ различныхъ періодахъ помѣшательства, въ высшей степени способствовало основательному изученію этой болѣзни. Врачи, посвятившіе себя леченію помѣшанныхъ, не могли не дойти до обобщенія найденныхъ фактовъ, до установленія извѣстныхъ эмпирическихъ законовъ, до постройки научнаго ученія помѣшательствъ, тѣмъ болѣе, что сдѣланныя однимъ врачомъ наблюденія постоянно повѣрялись и пополнялись наблюденіями другихъ. Такимъ образомъ современная психіатрія является плодомъ соединенныхъ трудовъ множества научныхъ людей, поставившихъ себя одну и ту же ясно опредѣлен-

II

Развитіе же психологіи шло совершенно инымъ путемъ. Психологія возникла не на основаніи опыта, но на основаніи умозрительнаго мышленія. Почти непосредственно являясь попыткою создать теорію душевной дѣятельности, психологія до повѣйшаго времени исключительно разрабатывалась философами. Последніе, конечно, не могли предаваться умозрительной психологіи совершенно независимо отъ опытныхъ данныхъ уже потому, что всякому разсужденію объ извѣстномъ предметѣ непременно должно предшествовать нѣкоторое знаніе его. Но эмпирическія данныя по части психологіи, которыми пользовались философы, съ одной стороны собирались лишь случайно, отрывочно, поверхностно, путемъ литературнымъ, съ другой — тотчасъ же подводились подъ ту философскую систему, представителемъ которой являлся психологъ. Психологомъ же *par excellence* признавалъ себя каждый философъ: философствованію по большей части посвящали себя «кабинетные» ученые, т. е. ученые, увлекаемые «чистымъ мышленіемъ» до такой степени, что, чуждаясь общезитія, они очень мало вращались между людьми и потому едва ли имѣли возможность дѣлать точныя психологическія наблюденія.

Умозрительная психологія главнымъ образомъ даетъ лишь изложеніе душевной жизни въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла бы сложиться въ силу извѣстной философской системы, вмѣсто того, чтобы изложить такъ, какъ она сложилась въ самомъ дѣлѣ, по точному опыту и наблюденію людей.

Съ развитіемъ психіатріи проявилась потребность привести ее въ болѣе опредѣленное отношеніе къ психологіи. Но умозрительная философія, строго опекая последнюю, оказалась совершенно несостоятельною для удовлетворительной теоріи помѣшательства и даже во многихъ отношеніяхъ противорѣчила точнымъ наблюденіямъ.*) При такихъ условіяхъ совершенно

*) Философы-психологи обыкновенно дополняли свою «психологію» болѣе или менѣе обширнымъ изложеніемъ помѣшательства, несколько не стѣсняясь, что не видали ни, въ меньшей мѣрѣ, никогда не наблюдали ни одного помѣшавшаго.

III

естественно, что врачи, специально изучавшіе психіатрію, старались, на основаніи психіатрическаго опыта, провѣрять эмпирическую психологію. Этому стремленію не мало способствовало то обстоятельство, что безпристрастные психологи въ новѣйшее время все болѣе и болѣе убѣждались въ томъ, что психологія вполне входитъ въ кругъ естественныхъ наукъ (Waitz, Fechner, Wundt). Съ другой стороны лучшіе психіатры главнымъ основаніемъ душевныхъ болѣзней признаютъ патологию нервной системы.

Предстоящія замѣчанія авторъ «Очерка» считалъ необходимыми для выясненія точки зрѣнія, съ которой онъ приступилъ къ составленію своего труда. Предлагаемый «Очеркъ» возникъ на основаніи лекцій, читанныхъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ студентамъ Медицинскаго и Юридическаго Факультетовъ Казанскаго Университета. Зная по собственному опыту, въ какой степени затрудняютъ изученіе психологіи и психіатріи преждевременныя разсужденія о сущности душевной дѣятельности, авторъ желалъ обратить вниманіе благосклоннаго читателя лишь на тѣ душевныя явленія, которыя собственное его наблюденіе дѣйствительно можетъ находить у здоровыхъ и помѣшанныхъ, подвергаемыхъ его изслѣдованію.

При невозможности, по современному состоянію науки, дать всякому душевному явленію твердое фізіологическое основаніе, совершенно естественно, что во многихъ отношеніяхъ «Очеркъ» не можетъ не отражать собой субъективнаго взгляда автора.

Способъ изложенія предмета, принятый въ предлагаемомъ трудѣ, многіе найдутъ слишкомъ сжатымъ и догматическимъ. Но «Очеркъ» не есть ни руководство, ни настольная книга для справокъ. Онъ долженъ лишь служить подготовкою для болѣе подробнаго изученія судебной психологіи. Главная цѣль его — ознакомить читателя съ важнѣйшими опытными данными психологіи и психіатріи, служащими основаніемъ для рѣшенія вопроса о неспособности ко вмѣненію.

Въ «Очеркѣ» приведены главнѣйшіе источники, которыми

IV

авторъ имѣлъ возможность пользоваться; дѣлать же особыя выноски въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ — онъ считалъ излишнимъ, потому что всѣ, кто хотя нѣсколько знакомъ съ литературою предмета, безъ затрудненія замѣтятъ, насколько самостоятеленъ трудъ автора, вполне сознающаго, что лучшею частью своихъ скромныхъ познаній онъ обязанъ ученымъ трудамъ тѣхъ дѣятелей науки, изученіе которыхъ постоянно руководствуетъ его собственныя наблюденія.

Авторъ.

Казань, 1-го Іюля 1871 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ .

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ Февральской и Мартовской книжкахъ журнала «Знаніе» за 1872 г. помѣщенъ разборъ «Очерка судебной Психологіи» Г-на Штейнберга.

Получивши Мартовскую книжку «Знанія», лишь только въ концѣ Апрѣля мѣсяца, я въ Маѣ просилъ редакцію этого журнала помѣстить въ немъ мое возраженіе, г. критику. Но редакція, повидимому съ римскимъ папою раздѣляя сознаніе своей собственной непогрѣшимости, отвѣтила мнѣ, что по принятымъ ею правиламъ «возраженія на статьи ея постоянныхъ сотрудниковъ принимаемы быть не могутъ.»

Вслѣдствіе этого отказа я обратился въ редакцію «Дѣла» съ просьбою взять изъ редакціи «Знанія» мою статью и помѣстить ее въ издаваемомъ ею журналѣ, причемъ въ письмо мое вложена была почтовая марка для увѣдомленія меня о послѣдующемъ. Но отвѣта я не получилъ. Между тѣмъ прошло столько времени, что напечатаніе моего возраженія въ одномъ изъ періодическихъ изданій уже показалось неудобнымъ.

Но увѣренный въ томъ, что г. критикъ отнесся къ моему труду не совсѣмъ справедливо, я не могу обойти молчаніемъ его замѣчанія и потому помѣщаю свое возраженіе здѣсь. Для повѣрки справедливости послѣдняго я прошу благосклоннаго читателя справиться въ вышеупомянутыхъ книжкахъ «Знанія» за 1872 годъ.

Пополненія ко второму изданію «Очерка» главнымъ образомъ относятся къ экспертизѣ и къ положенію экспертовъ на

VI

судѣ. Кромѣ того нѣкоторыя условія неспособности ко вмѣненію изложены нѣсколько подробнѣе и въ особомъ приложеніи собраны статьи Св. Зак., относящіяся къ Судебной Психологіи. .

Затѣмъ считаю пріятнымъ долгомъ выразить мою благодарность Директору М. Д. М. В. Д. Т. С. Пеликану и Доктору Войно въ Кіевѣ за позволеніе перваго перепечатать его замѣчательную статью объ экспертизѣ, а втораго — заимствовать изъ его труда упомянутое выше приложеніе.

Авторъ.

Казань. 3 Декабря, 1873 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ РАЗБОРА

«Очерка Судебной Психологіи Доктора Фрезе. Казань 1871 г.»

Докторомъ Штейнбергъ.

(ЗНАНІЕ. Февраль и Мартъ 1872 г.).

Г. критикъ начинаетъ свой разборъ «Очерка Судебной Психологіи» сожалѣніемъ о томъ, что въ немъ не нашелъ ничего новаго. Но, сообразивъ слова автора, «что онъ желалъ обратить вниманіе читателя *лишь* на тѣ душевныя явленія, которыя собственное его наблюденіе можетъ находить у здоровыхъ и помѣшанныхъ (стр. VII предисловія)», г. критикъ продолжаетъ, «что и при этихъ условіяхъ можно было бы сказать если уже не совершенно новое, то, по крайней мѣрѣ, привести тѣ воззрѣнія науки на предметъ, которыми обогатились нервная фізіологія и патологія самыхъ послѣднихъ временъ. А этого-то въ «Очеркѣ» не достаетъ: Мейнертъ, Арндтъ, Геддекъ (вѣроятно Гуддекъ?), Вестераль (вѣроятно Вестфаль?), Л. Мейеръ, Гисъ, О. Вольфъ и многіе другіе ученые своими изслѣдованіями, прямо или косвенно двигающими впередъ науку о такъ называемыхъ душевныхъ отправленияхъ, нигдѣ не приведены и нѣтъ даже намекъ на результаты ихъ изслѣдованій. Это обстоятельство невольно производитъ на читателя, спеціально интересующагося предметомъ, впечатлѣніе, какъ будто-бы авторъ «Очерка» немного отсталъ отъ уровня, до котораго достигла наука, разрабатывающая тѣ стороны знанія, ко-

торыя должны были бы войти въ составъ главныхъ основаній «Очерка.»

Хотя авторъ «Очерка» вовсе не былъ намѣренъ въ своемъ трудѣ непременно сказать что нибудь новое, но тѣмъ не менѣе онъ высказалъ новую мысль или предположеніе, настолько новое, насколько можетъ быть новою мысль, въ печати никѣмъ инымъ еще не высказанная. Сюда авторъ относитъ свои воззрѣнія, съ одной стороны, на душевныя чувства, а съ другой — на главный моментъ, служащій основаніемъ неспособности ко вмѣненію (Ч. III.).

Что же касается отсталости съ уровня современной науки, въ которой г. критикъ упрекаетъ автора на томъ лишь основаніи, что послѣдній не говоритъ о томъ, о чемъ, по мнѣнію г. критика, ему слѣдовало бы говорить, то что же дѣлать, когда воззрѣніе автора расходится съ воззрѣніемъ г. критика?

Неужели несообщеніе извѣстныхъ фізіологическихъ данныхъ въ строго ограниченномъ трудѣ можетъ служить доказательствомъ того, что авторъ сего труда отсталъ отъ современнаго уровня науки, тѣмъ болѣе, когда въ высшей степени сомнительно, чтобы изслѣдованія приведенныхъ г. критикомъ ученыхъ въ самомъ дѣлѣ имѣли непосредственное отношеніе къ той задачѣ, которую себѣ поставилъ авторъ. Работы Гг. Мейперта, Арндта, Вестфаля и др., какъ извѣстно всѣмъ врачамъ — психіатрамъ и фізіологамъ, имѣютъ совершенно специально — фізіологическое значеніе и именно поэтому объ нихъ и не было упомянуто въ «Очеркѣ».

Въ предисловіи (стр. VIII) авторъ говоритъ: «При невозможности, по современному состоянію науки, дать всякому душевному явленію твердое фізіологическое основаніе, совершенно естественно, что во многихъ отношеніяхъ «Очеркъ» не можетъ не отражать собой субъективнаго взгляда автора. Способъ изложенія предмета, принятый въ предлагаемомъ трудѣ, многіе найдутъ слишкомъ сматымъ и догматическимъ. Но «Очеркъ» не есть ни руководство, ни настольная книга для справокъ. Онъ долженъ лишь служить подготовкою для болѣе подробно